

Г.А. Борщевский
РАНХиГС, Москва

Оценка институтов развития Дальнего Востока России методом синтетического контроля

Аннотация. Около 10 лет в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) несколько институтов развития одновременно проводили федеральную политику. В статье применен метод синтетического контроля для сравнения результатов каждого из этих институтов. Стандартный набор макроэкономических индикаторов адаптирован в соответствии с целями создания анализируемых институтов и имеющимися статистическими данными. Подтвердилось предположение, что институт с позитивным влиянием сохранился после реформы 2021 г., а институты, показавшие негативное или статистически незначимое влияние, были реорганизованы. Стандартных показателей качества менеджмента компаний, вероятно, недостаточно для оценки деятельности государственных институтов развития. Это следует делать, в том числе, на основе макроэкономических индикаторов, соответствующих целям государственных программ и национальных проектов, а синтетический контроль представляется приоритетным методом такой оценки. Отсутствие влияния института на развитие территории (отрасли) в течение ряда лет следует зафиксировать как основание для реорганизации. Это позволит нацелить деятельность институтов на достижение конечных общественно значимых приоритетов.

Ключевые слова: институт развития, Дальний Восток России, преференциальный режим, синтетический контроль, региональная политика, оценка политики.

Классификация JEL: E61, O43, R58.

Для цитирования: **Борщевский Г.А.** (2026). Оценка институтов развития Дальнего Востока России методом синтетического контроля // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (70). С. 239–261.

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_239-261

EDN: GWRKWE

1. Введение

Региональная политика как элемент «развивающего государства» (Рубинштейн, Городецкий, Гринберг, 2020) ориентирована, во-первых, на сглаживание диспропорций между территориями и, во-вторых, на максимизацию экономического потенциала регионов с учетом их экономико-географического положения. Традиционная для России многоукладность и пространственное расщепление делают региональную политику особенно значимой.

Дальневосточный макрорегион России обладает богатыми природными ресурсами и соседствует с экономическими центрами Азии, что придает его развитию геостратегическое значение. С 2012 г. реализуется «новая» дальневосточная политика (Минакир, 2021), включающая создание профильного министерства в федеральном правительстве, государственной программы, линейки преференциальных режимов для предпринимателей и нескольких специальных институтов.

Эти меры призваны обеспечить темпы развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) выше средних по стране¹, что предполагалось достичь путем привлечения инвестиций и создания рабочих мест в несырьевых экспортно-ориентированных производствах.

Проведение в ДФО особой федеральной политики делает его хорошей моделью для исследования результатов политики развития. Элементы «новой» дальневосточной политики, включая институты развития, стали объектом многочисленных исследований, но дело осложняет отсутствие в России закона об институтах развития, где были бы даны их определение и классификация, а также присутствие в ДФО сразу нескольких институтов развития, затрудняющее выявление их индивидуальных результатов. Учитывая, что ряд институтов были реформированы в 2021–2022 гг., сопоставление их результативности позволяет апостериорно оценить обоснованность решений о сохранении или ликвидации конкретных институтов.

Для решения научной проблемы, связанной с отсутствием общепринятого подхода к оценке деятельности институтов развития, в данной статье мы стремимся выяснить, какой институт внес наибольший вклад в социально-экономическое развитие ДФО с учетом целей, нормативно установленных государством для каждого такого института. Мы предполагаем, что позитивное влияние на социально-экономическое развитие территории было критерием для сохранения институтов в ходе реформы, а в противном случае – для их ликвидации (реорганизации). Такая гипотеза видится логичной, хотя и не очевидной, учитывая, что экономические обоснования реформы институтов не были представлены и мы не знаем логики этих решений.

С учетом цели исследования статья структурирована следующим образом. Сначала рассмотрены способы оценки вклада институтов развития в социально-экономическое развитие регионов, охарактеризованы данные и методы. Далее представлены результаты эмпирического исследования и дана их интерпретация, после чего сформулированы предложения для практики и направления будущих исследований.

2. Понятие, классификации и способы оценки институтов развития

Подходы к оценке политик определяются моделями участия государства в экономике. Авторы из Института экономики РАН выделяют четыре модели государства: регулирующее, социальное, государство развития и модель плеймейкера (Рубинштейн, Городецкий, Гринберг, 2020). К.С. Гончарова предлагает подходы к оценке региональной политики, примерно соответствующие выше-названным моделям: сбалансированность; структурный эффект; качество жизни; устойчивость; достижение целей государственных программ (Гончарова, 2023).

В научной литературе представлены индексы социально-экономического развития для агломерации (Olifir, 2023), макрорегиона (Zaborovskaia, Zhogova, Alamshoev, 2021; Goryunov et al., 2023), отдельного региона (Arbolino, Lantz, Napolitano, 2022). Политику развития ДФО П.А. Минакир предложил оценивать по тенденции роста экономики и численности населения (Минакир, 2021). Используются наборы различных статистических показателей: среднедушевой ВРП, плотность автодорог, среднемесячная заработная плата и т.п. (Stepanova et al., 2020).

¹ Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

Институты развития обладают гибкостью, сочетая признаки органов публичной власти и корпоративных структур, что делает их посредниками между государством и бизнесом в решении задач развития отраслей и территорий (Савченко, 2022). В первую очередь деятельность институтов развития направлена на активизацию инноваций и инвестиций (Гончарова, 2023).

В России институты развития регулируются рядом законов, не вполне согласованных друг с другом². Координация федеральных институтов возложена на государственную корпорацию «ВЭБ.РФ»³.

Институты развития в наиболее простой классификации подразделяются на финансовые и инновационные (Рыкова, 2016). В ряде публикаций дополнительно выделены и другие институты: социальные, поддержки предпринимательства и развития территории (Kuzenkova, 2021). Типы институтов выводятся также из экономических теорий (Grillitsch, Sotarauta, 2020):

- инновационные институты восходят к шумпетеровской теории роста;
- институты поддержки предпринимательства – к институционализму;
- институты регионального развития – к теории структурных изменений.

Столь широкая трактовка позволяет ряду авторов включать в число институтов развития органы власти, научные институты (Хван, 2020), инвестиционные площадки, преференциальные режимы (Min, Kang, 2018). Однако такой подход не позволяет сравнивать институты друг с другом. Мы рассмотрим макрорегиональную систему институтов развития (Kireev, Sevastianov, 2021), т.е. организации, специально созданные для содействия развитию ДФО в целом.

Критерии идентификации институтов развития Дальнего Востока определены законом⁴:

- 1) являются коммерческими или некоммерческими организациями;
- 2) создаются Правительством РФ или по его поручению;
- 3) нацелены на опережающее социально-экономическое развитие ДФО;
- 4) привлекают резидентов в преференциальные режимы, оказывают финансовую поддержку инвестиционным проектам и обеспечивают их трудовыми ресурсами.

Институты развития ДФО и «новая» дальневосточная политика в целом неоднозначно оцениваются экспертами (Antonova Lomakina, 2020; Хван, 2020; Kireev, Sevastianov, 2021; Минакир, 2021; Goryunov et al., 2023), что актуализирует изучение результатов их деятельности.

Методики оценки институтов развития так же вариативны, как и их классификации. Некоторые авторы предлагают сравнивать число созданных институтов с динамикой социально-экономического развития (Tatarkin, Kotlyarova, 2013), но подобная оценка отражает активность институционального строительства, а не работу конкретных институтов.

Институты развития по статусу являются *организациями*, поэтому для их оценки используют такие показатели, как прибыль, уровень долга, рентабельность активов (Kuzenkova, 2021). Однако институты создаются для содействия

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025 № 304-ФЗ) «О науке и государственной научно-технической политике»; Федеральный закон от 13.07.2015 № 225-ФЗ (ред. 23.05.2025 № 124-ФЗ) «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

³ Федеральный закон от 02.07.2021 № 332-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 1.1 статьи 8 Федерального закона “Об инновационном центре “Сколково”».

⁴ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 31.07.2025 № 285-ФЗ) «О территориях опережающего развития в РФ», статья 32.

развитию территории (отрасли) и в этом смысле они *подобны органам власти*. Стандартных бизнес-индикаторов здесь уже недостаточно — нужны также макроэкономические индексы, как предлагается в работе (Рыкова, 2016). При этом важны индикаторы как экономического, так и социального развития (Zabogovskaia, Zhogova, Alamshoev, 2021). Оценка институтов развития путем сопоставления встречных финансовых потоков бюджетных инвестиций и налоговых поступлений (Доржиева, Ильина, 2020) представляется приемлемой только для финансовых институтов развития.

Оценка прошлых тенденций возможна с использованием временных рядов и панельных данных (Grillitsch, Sotargaut, 2020). Понимание направленности тенденций позволяет оценить результаты их работы с учетом долгосрочных изменений социально-экономического характера (Roche, 1999). Для этих целей во многих работах используются количественные методы, ряд из которых применен и в настоящей статье.

3. Данные и методы

3.1. Индикаторы оценки институтов развития ДФО

Представленному в предыдущем разделе набору критериев институтов развития ДФО в полной мере отвечают пять организаций, ставших объектами нашего исследования.

1. *Фонд развития Дальнего Востока и Арктики (ФРДВ)* создан в 2011 г. решением правления государственной корпорации «ВЭБ.РФ» по поручению Правительства РФ в форме акционерного общества. После 2021 г. ликвидирован.

Формой деятельности ФРДВ было кредитование значимых инвестиционных проектов в ДФО стоимостью от 50 млн руб. под 2% годовых из средств, предоставленных ВЭБом, что позволяет определить его как финансовый институт. Ввиду отсутствия специализации и поддержки всего спектра отраслей ключевым индикатором в оценке деятельности ФРДВ является среднедушевой ВРП в ДФО в сочетании с поступлением налогов и сборов в бюджетную систему, объемом жилищного и дорожного строительства, долей инновационных товаров (работ, услуг) в их общем выпуске, среднегодовой численностью занятых, а также привлечением в основной капитал инвестиций, частных инвестиций и прямых иностранных инвестиций.

2. *Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий (ДФВТ)* учрежден в 2017 г. совместным решением ФРДВ, АО «Роснано» и АО «Российская венчурная компания» по поручению Президента РФ⁵. Относился к институтам поддержки инноваций. Упразднен в 2021 г.

ДФВТ предоставлял заемное финансирование компаниям, развивающим перспективные технологии, поддерживал трансфер технологий и содействовал производству технологичной продукции в регионах ДФО. Указанным целям соответствуют такие статистически измеримые индикаторы, как экспорт технологий и услуг технического характера (базовый показатель, характеризующий структурный сдвиг в экономике под гипотетическим влиянием института), доля иннова-

⁵ См.: Перечень поручений Президента РФ от 13.10.2017 № Пр-2064 по итогам заседания президиума Государственного Совета РФ, состоявшегося 6 сентября 2017 г.

ционных товаров (работ, услуг) в их общем объеме, доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости.

3. *Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (АПИ)* создано Правительством РФ в формате автономной некоммерческой организации в 2015 г. как институт поддержки предпринимательства. В 2021 г. реорганизовано.

Цели деятельности АПИ – привлечение прямых инвестиций и резидентов в преференциальный режим территории опережающего развития (ТОР)⁶, который, в свою очередь, нацелен на создание новых производств в несырьевых отраслях. Таким образом, деятельность АПИ характеризуют динамика инвестиций в основной капитал обрабатывающих отраслей (базовый индикатор), поступление прямых иностранных инвестиций, частные и бюджетные инвестиции в основной капитал, инвестиции в основной капитал на душу населения.

4. *Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике (АРЧК)* создано Правительством РФ как социальный институт в форме автономной некоммерческой организации (АНО). Начало деятельности с 2016 г., а после 2021 г. ликвидировано как самостоятельная организация.

АРЧК было нацелено на реализацию программ «Дальневосточный гектар» (предоставление гражданам земельных участков для ведения сельского хозяйства и жилищного строительства) и «Дальневосточная ипотека» (субсидирование ставки кредита на приобретение или строительство жилья под 2% годовых)⁷, обеспечение трудовыми ресурсами резидентов ТОР и распределение субсидий на реализацию планов социального развития городов ДФО⁸. С учетом изложенного, деятельность АРЧК влияет на среднегодовую численность занятых, число построенных квартир на 1000 человек населения, ввод в действие жилых домов населением за счет собственных и привлеченных средств, производство продукции сельского хозяйства на душу населения. Последний показатель рассматривается как базовый, так как самообеспечение Дальнего Востока продовольствием – важнейший приоритет государственной политики (эта цель заложена, среди прочего, в законодательстве о ТОРах и о дальневосточном гектаре).

5. *Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ)* создана Правительством РФ в статусе акционерного общества в 2014 г. как институт поддержки предпринимательства и развития территории. С 2022 г. выполняет функции упраздненных АПИ и АРЧК. В этой статье полномочия каждого из перечисленных институтов рассмотрены до их реорганизации.

Функции КРДВ первоначально включали управление преференциальным режимом ТОР в субъектах ДФО⁹, позднее добавились функции оператора режимов «свободный порт Владивосток» (СПВ)¹⁰ и «Арктическая зона РФ». Согласно закону о ТОРах (статья 7), управляющая компания выступает застройщиком

⁶ См. Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2015 № 7112-р.

⁷ См. Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2015 № 7113-р.

⁸ Постановление Правительства РФ от 14.03.2018 № 254 «Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».

⁹ Постановление от 30.04.2015 № 432 «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению Арктической зоной РФ, а также территориями опережающего развития в субъектах РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, Арктической зоне РФ и свободным портом Владивосток».

¹⁰ Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток».

объектов инфраструктуры (в первую очередь дорог, обеспечивающих транспортную доступность ТОР), подключение резидентов к энергетическим сетям. Исполнение этих обязанностей зависит от объема бюджетных ассигнований. Таким образом, деятельность КРДВ связана с потреблением электроэнергии (базовый индикатор, прокси для подключения резидентов к инженерным коммуникациям), долей автомобильных дорог с твердым покрытием, динамикой среднедушевого ВРП, привлечением в основной капитал бюджетных инвестиций, частных инвестиций и прямых иностранных инвестиций.

Таким образом, предметом нашего исследования не являлись:

- федеральные институты, не созданные специально для ДФО (ВЭБ.РФ, ДОМ.РФ и др.);
- институты регионов ДФО, так как их влияние на экономическое развитие, по нашему мнению, несущественно ввиду ограниченности бюджетов субъектов (все они, кроме Сахалинской области – дотационные и зависят от трансфертов из федерального бюджета);
- отдельные проекты, мероприятия, преференциальные режимы, научные центры, органы власти, так как все это не соответствует указанным выше критериям институтов развития.

3.2. Подготовка данных

В международной практике для оценки политик применяется, как показано выше в обзоре литературы, стандартный набор индикаторов. Мы адаптировали их таким образом, чтобы корректно соотнести с целями создания анализируемых институтов и имеющимися статистическими данными. Используемые индикаторы должны быть доступны за длительный период времени (с 2000 по 2022 г.) для всех регионов РФ. В ряде случаев исходные данные не могут быть непосредственно использованы в исследовании и требуется их преобразование.

1. Если методология расчета показателя менялась в период наблюдений. Так, показатель «Доля обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости» корректировался при пересмотре ОКВЭД. Для приведения в сопоставимый вид потребовалось вычесть долю добывающих отраслей из единого показателя промышленности в 2000–2004 гг.; изменения 2016 г. не сделали данные несопоставимыми (5,8% в 2015 г. и 5,3% в 2016 г. в ДФО).

2. В случае пропуска данных для какого-либо года они экстраполировались на основе имеющихся значений.

3. Стоимостные показатели (объем инвестиций, налоговые поступления, экспорт и др.) скорректированы с учетом динамики цен в горизонте исследования (2000–2022 гг.):

$$N = n_t \sum_{i=q}^t I_i, \quad (1)$$

где n_t – значение стоимостного показателя в масштабе цен периода t ; I_t – индекс-дефлятор ВВП в период t ; N_i – значение n , скорректированное по накопленным индексам I_i за период $i = 1, \dots, t$.

Индекс-дефлятор позволяет комплексно оценить масштаб инфляции в национальной экономике, а не только в сегменте потребительских товаров,

как индекс потребительских цен. Для показателей в рублях использованы данные ЦБ РФ, для долларовых – данные ФРС США.

4. Для изоляции эффекта масштаба при межрегиональных сопоставлениях большинство индикаторов пересчитаны на душу населения.

5. В 2018 г. два региона – Республика Бурятия и Забайкальский край – перешли из состава Сибирского федерального округа в Дальневосточный. Для обеспечения сопоставимости данные за все годы приведены для СФО и ДФО в старых границах.

В результате этих преобразований набор индикаторов приобрел следующий вид (табл. 1).

Таблица 1.

Общая характеристика индикаторов и их описательная статистика для ДФО (2000–2022)

Индикатор	Размерность	Обозначение	Влияют	Среднее значение	Стандартное отклонение	Значение	
						минимальное	максимальное
Инвестиции в основной капитал на душу населения	тыс. руб. в сопоставимых ценах	Inv	АПИ ФРДВ	198,9	95,1	30,2	376,3
ВРП на душу населения	млн руб. в сопоставимых ценах	GRP	КРДВ ФРДВ	0,6	0,3	0,15	1,3
Среднегодовая численность занятых	млн человек	Empl	АРЧК ФРДВ	3,2	0,0	3,1	3,2
Бюджетные инвестиции в основной капитал	млрд руб. в сопоставимых ценах	TreInv	АПИ КРДВ	225,2	113,8	71,2	455,4
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему на душу населения	тыс. руб. в сопоставимых ценах	Tax	ФРДВ	142,3	93,8	18,7	368,0
Частные инвестиции в основной капитал	млрд руб. в сопоставимых ценах	PrivInv	АПИ ФРДВ КРДВ	685,7	509,5	31,8	1760,2
Поступление прямых иностранных инвестиций на душу населения	тыс. долл. США в сопоставимых ценах	FDI	АПИ КРДВ ФРДВ	0,9	0,6	0,1	2,3
Экспорт технологий и услуг технического характера	число соглашений	ExpTech	ДФВТ	23,0	14,8	3,0	46
Доля инновационных товаров (работ, услуг)	% в общем объеме	Innov	ДФВТ ФРДВ	2,1	1,0	0,5	3,8
Доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости	% к итогу	Industry	ДФВТ	7,2	3,3	4,2	16,1
Инвестиции в основной капитал в обрабатывающие производства на душу населения	тыс. руб. в сопоставимых ценах	InvInd	АПИ	13,9	5,7	4,2	25,2

Окончание таблицы 1.

Индикатор	Размерность	Обозначение	Влияют	Среднее значение	Стандартное отклонение	Значение	
						минимальное	максимальное
Ввод в действие жилых домов, построенных населением за счет собственных и привлеченных средств	млн кв. м общей площади	Build	АРЧК ФРДВ	1,8	0,8	0,8	3,6
Продукция сельского хозяйства на душу населения	тыс. руб. в сопоставимых ценах	Agric	АРЧК	38,3	11,4	19,8	59,0
Количество построенных квартир	ед. на 1 тыс. человек населения	Flats	АРЧК	4,0	1,9	1,5	8,1
Потребление электроэнергии на душу населения	тыс. кВт×ч	Energy	КРДВ	7,2	1,1	5,7	9,5
Плотность (удельный вес) автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	% общей протяженности автодорог	Road	КРДВ ФРДВ	71,5	8,0	64,7	91,6

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система; расчеты автора.

Ряд индикаторов связаны более чем с одним институтом развития, что объясняется сходством их функций. В дальнейшем для оценки институтов мы будем использовать разное число индикаторов за различные периоды времени.

3.3. Характеристика метода

Институты развития ДФО действовали параллельно, поэтому целесообразно сопоставить влияние сохраненных и реорганизованных институтов, чтобы ответить на вопрос об оптимальности их реконфигурации. Напомним, что, согласно нашей гипотезе, в ходе реорганизации сохранены те институты, которые внесли существенный позитивный вклад в экономику макрорегиона. Отсутствие однозначной позитивной связи может свидетельствовать о том, что институт не выполняет своих функций или его работа неэффективна.

Для оценки политики используют метод синтетического контроля, предложенный Альберто Абади. Метод основан на выборе из множества объектов сравнения (пул доноров) тех, которые в совокупности лучшим образом повторяют свойства того объекта, на который воздействовала политика (синтетическая контрольная группа). Результаты при этом обычно бывают точнее, чем при сопоставлении объекта с любым другим отдельным (несинтетическим) объектом. При этом должны учитываться следующие предпосылки (Abadie, 2021).

1. Существуют $J + 1$ объектов: $j = 1, \dots, J + 1$, первый из которых ($j = 1$) затронут вмешательством («лечением»), а пул доноров – набор потенциальных сравнений ($j = 2, \dots, J + 1$), не затронутых вмешательством. Все эти объекты характери-

зуются сходными структурными процессами. В нашем случае это – федеральные округа, среди которых ДФО испытывает влияние оцениваемой политики (вмешательство), а остальные семь макрорегионов формируют пул доноров и не испытывают такого вмешательства¹¹.

2. Выборка представляет собой сбалансированную панель, т.е. продольный набор данных, где все объекты наблюдаются в те же периоды времени, $t = 1, \dots, T$.

3. Выборка включает положительное число периодов до вмешательства (T_0) и после вмешательства (T_1), где $T = T_0 + T_1$. Достоверность синтетического контроля зависит от того, насколько хорошо он отслеживает и соотносит характеристики объектов в течение длительного времени до вмешательства. Началом вмешательства в данном исследовании считается создание института развития (для различных институтов это будут разные годы).

4. Объект испытывает вмешательство в течение периодов $T_0 + 1, \dots, T$, и вмешательства не происходит в течение периода до лечения $1, \dots, T_0$.

Синтетический контроль может быть представлен вектором ($J \times 1$) весов $W = (w_2, \dots, w_{j+1})$, с $0 \leq w_j \leq 1$ для $j = 2, \dots, J$ и $w_2 + \dots + w_{j+1} = 1$. Пусть X_1 будет вектором ($k \times 1$), содержащим значения характеристик анализируемого объекта до вмешательства, которые мы стремимся максимально точно сопоставить, а X_0 – матрицей $k \times J$, собирающей значения тех же переменных для объектов в пуле доноров. Разница между характеристиками до вмешательства анализируемого объекта и синтетической контрольной группы задается вектором $X_1 - X_0 W$. Мы выбираем значение W , которое минимизирует размер этой разницы (Abadie, Diamond, Hainmueller, 2015):

$$\sum_{m=1}^k v_m (X_{1m} - X_{0m} W)^2, \quad (2)$$

где v_m – вес, отражающий относительную важность, которую мы присваиваем переменной m , когда измеряем расхождение между X_1 и $X_0 W$.

Переменные в X_0 и X_1 предназначены для того чтобы быть предикторами результатов после вмешательства, которые сами по себе не подвержены влиянию вмешательства.

В уравнении (2) период до вмешательства делится на начальный период обучения модели и последующий период проверки. Веса v_m выбираются так, чтобы результирующий синтетический контроль минимизировал среднеквадратичную ошибку прогнозирования (RMSPE).

Пусть Y_{jt} будет результатом объекта j в момент времени t , а Y_1 будет вектором ($T_1 \times 1$), собирающим значения результата после вмешательства для анализируемого объекта. Тогда $Y_1 = (Y_{1T_0+1}, \dots, Y_{1T})$. Аналогично, пусть Y_0 будет матрицей ($T_1 \times J$), где столбец j содержит значения результата после вмешательства для объекта $j + 1$. Оценка синтетического контроля влияния «лечения» задается сравнением результатов после вмешательства между объектом, который подвергается вмешательству, и синтетическим контролем без вмешательства ($Y_1 - Y_0 W$). Для периода после вмешательства t (при $t \geq T_0$) оценка синтетического контроля

¹¹ Сомнения в целесообразности включения Северо-Кавказского федерального округа в пул доноров объясняются существованием федерального института развития – АО «Кавказ.РФ». Однако он нацелен на поддержку лишь отрасли туризма, поэтому характер политики существенно отличается от проводимой в ДФО. Оба макрорегиона – приграничные, с сырьевой ориентацией экономики, но эффект перетока между ними практически отсутствует из-за географической удаленности, что делает их подходящими объектами для сопоставления.

результата «лечения» задается путем сравнения результата для анализируемого объекта и синтетического контроля:

$$\tau_{1t} = Y_{1t} - \sum_{j=2}^{J+1} w_j Y_{jt}. \quad (3)$$

Установив, что анализируемый объект и синтетическая контрольная группа имеют схожее поведение длительный период до вмешательства, их последующее расхождение интерпретируется как результат вмешательства. Потенциальные результаты описывает модель:

$$Y_{jt}^N = \delta_t + \theta_t Z_j + \lambda_t \mu_j + \varepsilon_{jt}, \quad (4)$$

где Y_{jt}^N – результат, который наблюдался бы для объекта j в момент времени t при отсутствии вмешательства, для объектов $j = 1, \dots, J+1$ и периодов времени $t = 1, \dots, T$; δ_t – неизвестный общий фактор с постоянными факторными нагрузками по объектам; Z_j – вектор наблюдаемых факторов, не затронутых вмешательством ($r \times 1$); θ_t – вектор неизвестных параметров ($1 \times r$); λ_t – вектор ненаблюдаемых общих факторов ($1 \times F$); μ_j – вектор неизвестных факторных нагрузок ($F \times 1$); ε_{jt} – ненаблюдаемые временные шоки с нулевым средним (ошибка прогноза).

Для проверки значимости результата вмешательство последовательно переназначается на другие объекты в пуле доноров (плацебо-тест). Если последствия оказываются сильнее для объекта, не подвергавшегося вмешательству, это свидетельствует об отсутствии предсказательной силы модели. $RMSPE$ измеряет величину разрыва в результате вмешательства между анализируемым объектом и его синтетическим аналогом (качество подгонки синтетического контроля для объекта j в период после лечения относительно периода предварительной обработки):

$$RMSPE = \left(\frac{1}{T_0} \sum_{t=1}^{T_0} \left(Y_{1t} - \sum_{j=2}^{J+1} w_j Y_{jt} \right)^2 \right)^{1/2}. \quad (5)$$

Абсолютная величина $RMSPE$ еще не свидетельствует о последствиях вмешательства. Важнее, чтобы ошибка для анализируемого объекта была меньше, чем для результатов плацебо-теста на других объектах, не испытавших вмешательства.

4. Результаты

4.1. Формирование синтетических контрольных групп

Построим синтетические контрольные группы для оценки динамики индикаторов, характеризующих влияние институтов развития. Веса объектов из пула доноров определены по формуле (2). Расчеты проводились отдельно для каждого института развития и сведены в табл. 2.

Все синтетические группы сформированы более чем из одного объекта из пула доноров, при этом отсутствует одновременное преобладание одного из объектов во всех группах.

Таблица 2

Весовые значения федеральных округов в контрольных группах по институтам развития

Объект в пуле доноров	ДФВТ	АПИ	АРЧК	КРДВ	ФРДВ
ЦФО	0	0	0	0,397	0,357
СЗФО	0	0	0,154	0	0,103
ЮФО	0	0	0	0,292	0,261
СКФО	0,909	0,412	0,386	0	0
ПФО	0	0	0	0	0
УрФО	0,091	0,588	0	0	0
СФО	0	0	0,459	0,310	0,279

Источник: здесь и далее – расчеты автора с использованием программного пакета Stata17.0.

4.2. Оценка влияния институтов развития

По индикаторам для каждого института развития (см. табл. 1) строим по формуле (3) модели оцениваемого объекта и его синтетической контрольной группы.

В табл. 3 представлены средние значения индикаторов в реальном ДФО, синтетическом ДФО и в РФ без ДФО, во всех случаях – до начала воздействия, которое для каждого из институтов относится к разным периодам.

Таблица 3

Средние значения индикаторов в реальном ДФО, синтетическом ДФО и для РФ без ДФО

Индикатор	Реальный ДФО	Синтетический ДФО	Средний по РФ без ДФО
ДФВТ			
<i>ExpTech</i> (2004)	6,000	14,824	240,290
<i>ExpTech</i> (2008)	28,000	21,462	261,860
<i>ExpTech</i> (2012)	20,000	16,557	255,710
<i>ExpTech</i> (2016)	32,000	278,207	307,140
<i>Innov</i>	5,952	5,601	6,439
<i>Industry</i>	8,072	9,200	18,241
АПИ			
<i>InvInd</i> (2008)	19,330	19,371	20,739
<i>Inv</i>	157,488	142,480	108,258
<i>PrivInv</i>	423,130	1028,787	1148,184

Окончание таблицы 3.

Индикатор	Реальный ДФО	Синтетический ДФО	Средний по РФ без ДФО
<i>FDI</i>	0,663	0,243	0,176
<i>TreInv</i>	198,291	203,597	309,795
АРЧК			
<i>Agric(2008)</i>	33,726	35,187	39,572
<i>Empl</i>	3,191	4,637	9,416
<i>Flats</i>	3,111	3,907	4,637
<i>Build</i>	1,422	3,984	7,649
КРДВ			
<i>Energy(2008)</i>	6,647	6,766	7,381
<i>GRP</i>	0,422	0,402	0,495
<i>PrivInv</i>	417,004	1179,526	1201,816
<i>FDI</i>	,594	0,255	0,173
<i>Road</i>	74,692	85,010	85,796
<i>TreInv</i>	190,404	401,753	497,293
ФРДВ			
<i>GRP(2000)</i>	0,154	0,145	0,144
<i>GRP(2007)</i>	0,242	0,228	0,227
<i>Inv</i>	131,715	97,302	82,743
<i>Empl</i>	3,190	6,898	9,273
<i>PrivInv</i>	307,758	612,914	792,879
<i>FDI</i>	0,513	0,112	0,082
<i>Innov</i>	1,354	3,824	4,483
<i>Build</i>	1,090	4,218	6,473
<i>Road</i>	76,763	87,870	88,516
<i>Tax</i>	67,228	73,369	82,451

В одних случаях модель подогнана более точно и значения индикаторов в реальном и синтетическом ДФО очень близки друг к другу; иногда синтетический контроль отличается от средних значений по РФ лишь на доли процента. Однако во всех моделях синтетический контроль ближе к реальному объекту по сравнению со средними значениями.

Период до воздействия разбивается на примерно равные периоды обучения и проверки, на что указывают годы рядом с первым индикатором каждой модели. В отдельных случаях повышению точности оценки способствует разделение на большее число интервалов.

На рис. 1 представлена динамика базовых индикаторов с учетом предикторов X для каждого института развития в реальном и синтетическом ДФО.

Для ДФВТ базовым индикатором являлся технологический экспорт. Его динамика в ДФО была существенно ниже остальных федеральных округов до 2007 г., что объясняет низкое качество подгонки модели для этого периода; позднее динамика в реальном и синтетическом ДФО сблизились. Созданию

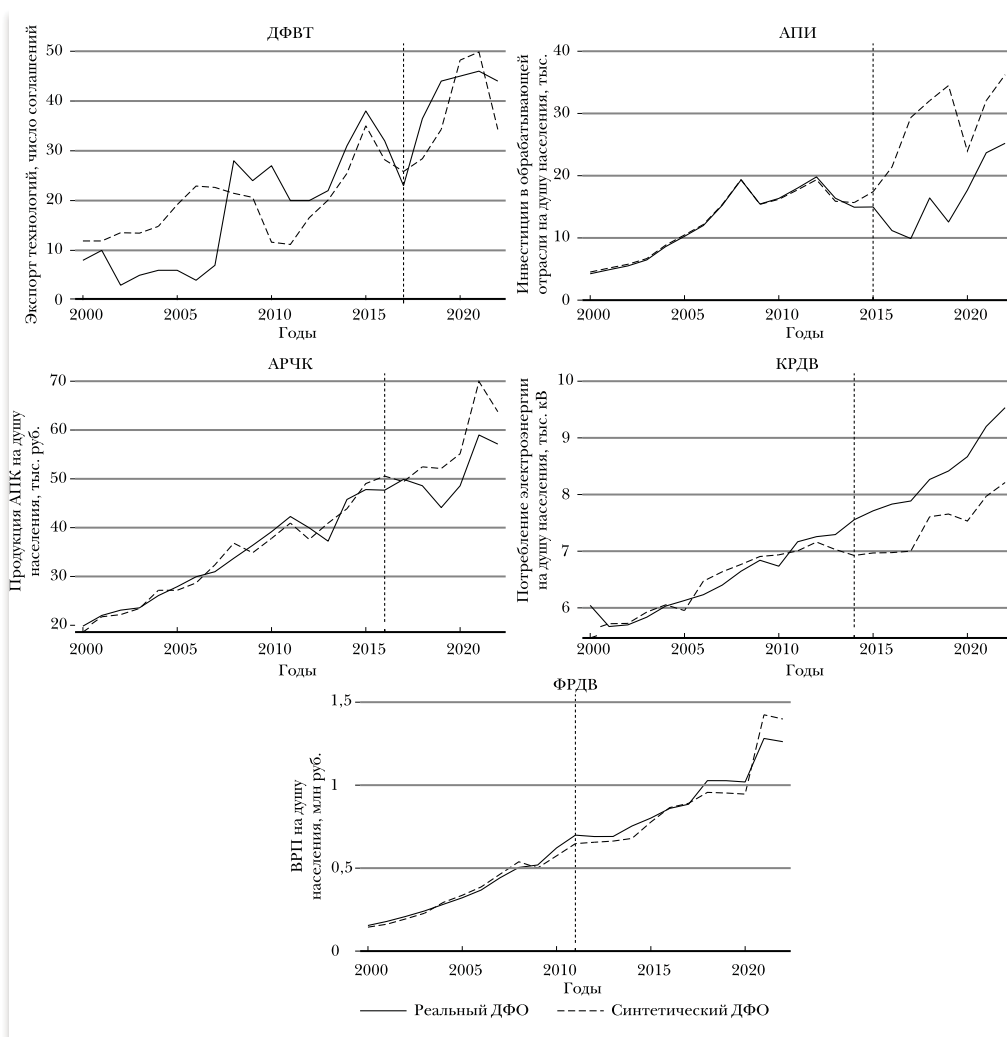

Рис. 1

Тренды в реальном и синтетическом ДФО

Примечание. Вертикальная линия показывает начало воздействия политики (создание института).

ДФВТ непосредственно предшествовало резкое падение числа заключенных соглашений о технологическом экспорте в реальном ДФО. В дальнейшем произошел рост их числа, причем различий между реальным и синтетическим ДФО практически не наблюдалось, что свидетельствует о слабом или отсутствующем влиянии политики на этот индикатор.

Совпадение динамики инвестиций в обрабатывающие отрасли между контрафактуальным и реальным ДФО до учреждения АПИ впоследствии сменилось существенным повышением показателя в синтетическом ДФО. Это указывало бы на отрицательное влияние АПИ, если бы не то обстоятельство, что рассогласование динамики началось еще накануне создания института – в 2014 г. Эту тенденцию можно интерпретировать в том смысле, что деятельность АПИ не переломала наметившейся тенденции снижения промышленных инвестиций, без чего не может быть решена стратегическая задача диверсификации отраслей, создания продукции с высокой добавленной стоимостью и новых рабочих мест в обрабатывающем секторе.

Оценка влияния АРЧК на объем сельскохозяйственного производства объясняется акцентом на привлечение трудовых ресурсов в ТОРы и распределение «дальневосточных гектаров». Оба проекта ориентированы в значительной степени на развитие аграрного сектора. Рост самообеспеченности макрорегиона продовольствием – другой приоритет дальневосточной политики, наряду с индустриализацией. Полученная модель обеспечивает хорошее соответствие трендов в реальном и синтетическом ДФО до начала воздействия. Спустя год после создания АРЧК среднестатистическое сельскохозяйственное производство стало резко снижаться, а рост в синтетическом ДФО, напротив, ускорился. Как и в случае АПИ, наблюдаемая тенденция указывает на то, что политика в данной сфере не способствовала позитивным изменениям.

Потребление электроэнергии не только отражает деятельность КРДВ как управляющей компании ТОР и СПВ в части подключения резидентов к энергетической инфраструктуре, но и рост производства продукции в этих преференциальных режимах (что требует дополнительных объемов энергии). На рис. 1 для КРДВ показано, что до начала воздействия в реальном и контрафактуальном ДФО наблюдалась сходная динамика, а позднее в синтетической группе сохранялась прежняя тенденция, тогда как в реальном ДФО рост был опережающим. Следует, однако, отметить, что растущий тренд обозначился еще накануне создания КРДВ и отчасти может объясняться распространением в ДФО практики криптовалютного майнинга. Возможно, ее влияние на увеличение потребления электроэнергии даже больше, чем конкретного института развития, но в любом случае влияние института на данный показатель не было негативным.

ФРДВ проработал более десяти лет и был призван комплексно влиять на экономику макрорегиона путем предоставления возвратного финансирования в инвестиционные проекты в приоритетных отраслях. На недостаточность такой поддержки указывает создание в период деятельности ФРДВ остальных институтов развития для решения сходных задач. Комплексный эффект политики характеризует изменение среднестатистического ВРП; в реальном и синтетическом ДФО этот индикатор изменялся в близком диапазоне еще до начала воздействия. В дальнейшем динамика оставалась близкой, причем после 2020 г.

синтетический ДФО даже опередил реальный. Это свидетельствует о том, что деятельность ФРДВ (и других структур с подобными функциями) не привела к опережающему росту Дальнего Востока по отношению к остальной России, что, напомним, было главной целью дальневосточной политики.

4.3. Проверка значимости моделей

Для проверки значимости полученных результатов рассчитана среднеквадратичная ошибка прогнозирования рассмотренных моделей (формула (5)) и проведен тест плацебо, в ходе которого ДФО перемещался в контрольную группу, а его место в качестве анализируемого объекта последовательно занимали другие макрорегионы, не испытывавшие соответствующего воздействия. Значения RMSPE для всех моделей представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты проверки значимости модели (тест-плацебо)

Объект пула доноров	ДФВТ	АПИ	АРЧК	КРДВ	ФРДВ
ДФО	9,370	0,316	1,711	0,190	0,022
ЦФО	172,677	0,398	11,015	1,052	0,197
СЗФО	143,836	0,376	10,171	0,184	0,050
ЮФО	22,514	0,326	12,872	0,786	0,068
СКФО	14,764	6,432	4,018	1,346	0,100
ПФО	41,781	2,259	2,672	0,596	0,086
УрФО	43,609	1,240	2,306	2,807	0,268
СФО	43,482	0,897	2,617	0,758	0,072

Значения ошибки прогнозирования для ДФО везде оказались меньше аналогичных ошибок для других федеральных округов, что свидетельствует о качественной подгонке моделей.

5. Обсуждение

Изучение вклада политики в социально-экономическое развитие территории необходимо для перехода к доказательному регулированию и шире – к управлению, основанному на данных. Однако проведение подобных исследований встречает ряд объективных трудностей, среди которых – проблема установления причинно-следственной связи между политикой и наблюдаемой динамикой. На каждый макроэкономический индикатор воздействует множество экзогенных и эндогенных факторов, а одновременное существование нескольких субъектов политики (в данном случае – федеральных институтов развития Дальнего Востока) создает эффект суперпозиции и затрудняет выделение эффекта от каждого из них.

Метод синтетического контроля, вероятно, точнее других отражает влияние политики по сравнению с объектами, не испытывавшими данного воздей-

ствия. Сравнение с синтетической контрольной группой дает впечатляющие результаты в случаях уникальных вмешательств (Abadie, Diamond, Hainmueller, 2015). Регионы ДФО в исследуемый период испытывали мощные воздействия таких сторонних факторов, как финансовый кризис 2008–2009 гг., санкционные кризисы 2014–2015 гг. и коронакризис 2020–2021 гг. Однако эти факторы более или менее одинаково влияли на всю территорию РФ. Что касается воздействий, специфических для Дальнего Востока, то они так или иначе связаны с деятельностью институтов развития. Например, оператором дальневосточного гектара выступало АРЧК, а мегапроекты в Амурской области, связанные с газопроводом «Сила Сибири» и космодромом «Восточный», осуществили якорные инвесторы преференциального режима ТОР, оператором которого выступает КРДВ.

Важным аспектом применения метода является состав пула доноров. В исследовании (Goryunov et al., 2023) синтетический ДФО был сформирован из отдельных субъектов других федеральных округов, что дало большое число объектов для сравнения. Однако в других работах объекты в пуле доноров имеют единую природу с анализируемым объектом (города сравниваются с городами, регионы с регионами, страны со странами (см., например, (Abadie, 2021)); и мы также следуем данному подходу. Этот прием сужает пул доноров, но снимает проблему их обоснования. Как видно из данных в табл. 2, среди объектов синтетического контроля не преобладают веса СКФО (что давало бы смещенную оценку, учитывая наличие там своего института развития) и СФО (что могло бы указывать на «эффект перелива» из-за географической близости к ДФО).

Другим необходимым условием является достаточность наблюдений. На практике часто исследуются ограниченные временные периоды: 2015–2020 гг. (Минакир, 2021), 2014–2019 гг. (Goryunov et al., 2023). В нашем случае начало воздействия варьирует от 2011 до 2017 г., в зависимости от момента создания института, и охватывает годы по 2022 г. включительно, что позволяет оценить результат проведения политики с определенным лагом.

В предыдущих работах с помощью наборов макроэкономических индикаторов измерялось комплексное воздействие политики без попыток оценить вклад каждого из ее участников (Рыкова, 2016; Stepanova et al., 2020; Kuzenkova, 2021). Также есть примеры исследований, где на один индикатор может воздействовать более одного института (Zaborovskaia, Zhogova, Alamshoev, 2021). В данной статье, кажется, впервые синтетический контроль применен для сравнения результатов нескольких субъектов политики. Оценка каждого института проведена по разным наборам показателей, выступающих предикторами при определении весов синтетического контроля. Базовые индикаторы соответствуют приоритетному направлению деятельности и специфике института: инвестиции в реальный сектор – для АПИ, экономический рост – для ФРДВ, технологический экспорт – для ДФВТ, ресурсное (энергетическое) обеспечение инвестиционных проектов – для КРДВ, проекты на земле – для АРЧК (оператор «дальневосточного гектара»).

В общем случае при хорошей подгонке модели превышение значений индикатора после начала воздействия в реальном объекте над контрфактуальным демонстрирует позитивное влияние политики. В настоящем исследовании количественная оценка воздействия возможна, но сопоставление таких оценок

для различных институтов лишено практического смысла ввиду использования индикаторов разной размерности и уникального набора предикторов для каждого института. Их сопоставление целесообразно только на качественном уровне.

Для ДФВТ соответствие трендов в реальном и синтетическом объектах до «лечения» обеспечено не в полной мере, а последующего эффекта воздействия не прослеживается. Это видно и по отдельным показателям. Так, в период активности ДФВТ (2017–2021 гг.) число соглашений о технологическом экспорте из ДФО увеличилось в 3,5 раза, однако доля инновационных товаров, работ услуг, производимых (оказываемых) в ДФО, снизилась на 30,3%.

Объем инвестиций в обрабатывающие отрасли, характеризующий деятельность АПИ, снижался после начала воздействия, но вряд ли по вине АПИ, так как рассогласование между реальным и синтетическим объектами возникло еще накануне его создания. Среднедушевые инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств в период деятельности АПИ были ниже среднероссийских, как и объем частных и бюджетных инвестиций, но общие инвестиции в основной капитал и прямые иностранные инвестиции превышали средние по РФ.

Объем сельскохозяйственного производства, являющийся индикатором для АРЧК, рос в согласованной динамике в реальном ДФО и синтетической контрольной группе до начала воздействия, но позднее в реальном ДФО он оказался ниже. Число выдаваемых участков по программе «Дальневосточный гектар» в 2018, 2020 и 2023 г. снижалось, что не подтверждает востребованности программы. Кроме того, при общем объеме посевных площадей ДФО 2,2 млн га (2023 г.) предположение о возможности воздействия программы на объем производства отрасли слабо обоснованно. Другая функция АРЧК состояла в доведении федеральной субсидии на реализацию планов социального развития центров экономического роста с целью удержания населения и привлечения трудовых ресурсов через создание социальной инфраструктуры¹². На этом фоне число занятых в ДФО (около 3,9 млн человек) почти не меняется, а общая численность населения сокращается, несмотря на принимаемые меры (8,2 млн в 2019 и 7,9 млн в 2024 г.).

Опережающий рост потребления электроэнергии различными категориями потребителей в реальном ДФО начался накануне создания КРДВ, что не указывает на влияние собственно института. На этом фоне рост промышленного производства превысил средний по стране в 1,5 раза, а рост обрабатывающих отраслей – в 1,3 раза. За годы работы КРДВ размер субсидий на развитие инфраструктуры увеличился в 3 раза, до 18,5 млрд руб., а субсидия КРДВ¹³ – в 5 раз, до 3 млрд руб. Среднедушевой объем частных и бюджетных инвестиций оставался в 1,7–2 раза ниже среднего по РФ, объем прямых иностранных инвестиций – на среднем уровне. Также стоит отметить, что доля инвестиционных проектов в пуле КРДВ максимально составляла лишь 33% от общего объема инвестиций

¹² Постановление Правительства РФ от 14.03.2018 № 254 «Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».

¹³ Постановление Правительства РФ от 04.09.2015 № 935 «О предоставлении субсидии из федерального бюджета управляющей компании, осуществляющей функции по управлению Арктической зоной РФ, а также территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, Арктической зоне РФ и свободным портом Владивосток, и субсидии из федерального бюджета управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития и государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ».

в ДФО, т.е. влияние института как малой части системы могло не оказать ощутимого воздействия на кратко более крупный объект.

ВРП на душу населения является комплексным показателем, отражающим деятельность многих участников. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие различий между реальным и синтетическим ДФО после создания ФРДВ. Получая субсидию из федерального бюджета¹⁴, фонд вкладывал эти средства в поддержку инвестиционных проектов в различных отраслях. В указанный период частные инвестиции увеличились на 17,5%, инвестиции в обрабатывающие производства – в 5,9 раза (при росте на 16,8 и 5,4% соответственно в остальной части страны). Отдача на инвестиции в виде уплаченных налогов в ДФО находилась на среднем уровне (211 и 215 млн руб. на душу населения соответственно).

Инструментом деятельности институтов развития является распределение финансовых средств, поэтому целесообразно рассмотреть финансовые показатели их деятельности (табл. 5).

Представленные данные можно использовать для сопоставления институтов. Видно, что масштаб КРДВ и ФРДВ совпадал по балансовой стоимости активов и выручке. Остальные организации существенно отставали от них по этим параметрам, при этом активы были несколько больше у АПИ, а выручка – у ДФВТ. Масштаб институтов, вероятно, влиял на их результаты, но прямой корреляции

Таблица 5

Финансовые результаты институтов развития ДФО, млн руб.

Институт	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Выручка							
ФРДВ	0,52	327,9	–	1262,2	1671,8	2,1	–
КРДВ	20,8	515,2	503,3	3363,8	57,4	92,6	76,5
АПИ	–	–	11,5	0,129	–	–	3,2
АРЧК	–	–	2,7	2,0	0,3	–	–
ДФВТ	–	–	–	41,2	122,5	110,9	89,6
Чистая прибыль							
ФРДВ	964,9	1121,1	–	851,0	846,0	1384,1	–0,04
КРДВ	1,7	24,0	–60,6	–492,2	800,8	–192,5	–190,7
АПИ	–	–	0,1	0,7	0,2	–0,08	4,5
АРЧК	–	–	0,4	0,2	0,07	–0,1	–
ДФВТ	–	–	–	11,7	6,9	1,3	1,3
Баланс активов							
ФРДВ	17446,6	21583,9	37644,3	49130,4	61139,4	81949,8	–
КРДВ	2348,1	6400,1	12247,7	23978,8	31051,2	34860,5	36733,1
АПИ	–	130,9	67,1	261,8	372,4	187,4	103,8
АРЧК	–	–	105,5	53,4	86,3	125,5	–
ДФВТ	–	–	–	33,6	49,0	34,1	29,2

Источники: составлено автором на основании опубликованных отчетов институтов развития.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 21.12.2016 № 1413 (ред. от 28.12.2021 № 2513) «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса РФ в государственную корпорацию развития «ВЭБ. РФ» на реализацию приоритетных инвестиционных проектов на территории ДФО и Арктической зоны РФ».

между финансовыми показателями институтов и динамикой социально-экономического развития ДФО не просматривается.

Мы предполагали, что в ходе реформы институтов развития основанием для их сохранения был позитивный вклад в развитие ДФО, а институты с негативными результатами подверглись реорганизации. Проведенное исследование в основном подтвердило гипотезу. В частности, результаты АПИ и АРЧК в реальном ДФО оказались хуже, чем в синтетической контрольной группе, а для ДФВТ и ФРДВ их вообще не обнаружено. Все эти институты были реорганизованы и не функционируют в настоящее время. Лишь у КРДВ динамика индикатора в реальном ДФО опережала контрфактуальный после начала воздействия (несмотря на ограничения, о которых шла речь выше). В совокупности эти данные обозначают присутствие экономической логики в административных решениях вне зависимости от того, предшествовало ли их принятию сопоставление результатов работы институтов.

Данные в табл. 5 указывают на недостаточность стандартных финансовых показателей корпоративной отчетности для оценки деятельности государственных институтов развития. Худший финансовый результат показала КРДВ, которая в итоге сохранилась, а ФРДВ, приносивший неплохую прибыль, был ликвидирован. Выручка всех институтов в динамике снижалась, а активы уменьшались. Однако вряд ли это можно интерпретировать как признак неэффективности: институты развития вкладывают средства в создание инфраструктуры для инвесторов, что объясняет сжатие активов. При необходимости государство докапитализирует институты развития для исполнения ими установленных функций. Прибыль и выручку призваны генерировать не сами эти институты, а инвестиционные проекты в преференциальных режимах.

Несмотря на рост динамики проектов в преференциальных режимах ДФО, они по-прежнему незначительно влияют на экономику макрорегиона. В частности, преференциальные режимы привлекли более половины инвестиций в основной капитал только в Амурской области и Приморском крае, а доля созданных резидентами рабочих мест лишь в Приморском крае превышает 5% от объема рынка труда региона (Борщевский, 2024).

Следует обратить внимание на непрозрачность процессов создания, оценки и трансформации институтов развития, отсутствие соответствующих методик и обоснований. При таком подходе принятие даже эффективных решений в «ручном режиме» не гарантирует от ошибок в дальнейшем. Например, консолидация институтов развития ДФО не изменила отмеченной экспертами ситуации, когда бюджетные ресурсы могут оседать на депозитных счетах в банках, вместо того чтобы быть инвестированными в проекты (Доржиева, Ильина, 2020). Анализ Счетной палаты выявил неосвоение КРДВ и ее дочерними организациями бюджетных средств почти на 15 млрд руб. Кроме того, отмечено, что в ДФО действует наибольшее число преференциальных режимов, но они не образуют единой системы поддержки развития¹⁵.

Институт развития представляется не только юридическим лицом, но и субъектом макроэкономики. В этом смысле его функции ближе к органу власти, чем к фирме, поэтому и оценку его работы целесообразно осуществлять

¹⁵ Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка результативности деятельности АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», результатов реализации ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 гг.» и применения преференциального режима на Курильских островах в 2021–2023 гг.».

с использованием макроэкономических индикаторов, а не только микроданных. С последними у такой организации все может обстоять благополучно, но, как показало наше исследование, влияние на развитие территории может отсутствовать или даже быть отрицательным, т.е. цели создания института развития не достигаются.

Как отмечал еще К. Роше, процесс оценки воздействия необходимо интегрировать во все этапы деятельности институтов развития, а сама оценка должна относиться не к непосредственным результатам, а к долгосрочным изменениям (Roche, 1999, p. 92). В этой связи целевые индикаторы работы институтов развития (их *KPI*) подлежат приведению в соответствие с показателями государственных программ и национальных проектов, а приоритетным методом такой оценки представляется синтетический контроль. Отсутствие влияния института на развитие территории (отрасли) в течение ряда лет следует зафиксировать как основание для его реорганизации. Это позволит нацелить деятельность институтов на достижение конечных общественно значимых приоритетов, а не только на работу с отдельными проектами.

6. Заключение

На развитие ДФО в анализируемый период воздействовало несколько федеральных институтов, и попытки вычленить результат работы каждого из них ранее, насколько известно, не предпринимались. Методом синтетического контроля нами была оценена динамика индикаторов, соответствующих приоритетам и специфике каждого института.

Получила эмпирическое подтверждение гипотеза о том, что институты с негативным или отсутствовавшим влиянием на развитие ДФО были реорганизованы, а оказавшие позитивное влияние продолжили свою деятельность. Действительно, два института с негативным влиянием (АРЧК и АПИ) и два со статистически незначимым эффектом (ДФВТ и ФРДВ) прекратили свою деятельность, и только один институт (КРДВ), для которого выявлено позитивное (хотя и с оговорками) влияние, работает до сих пор.

Апостериорная оценка оптимальности управленческих решений, логика которых публично не обсуждалась, вносит вклад в исследование проблем государственного регулирования экономики. Подобные решения, помимо строго научных соображений, учитывают иные, нередко субъективные факторы. Инструментарий оценки институтов развития необходим для объективации итогов их деятельности.

Известные методы оценки политики адаптированы в статье для сопоставления влияния различных агентов политики, действующих на определенной территории; в этом видится теоретическая значимость статьи, так как подобный класс задач пока недостаточно исследован.

В перспективе можно продолжить апробацию методики в субъектах РФ, где созданы региональные институты развития, в сравнении с теми, где такие институты отсутствуют (при условии отсутствия на данной территории федеральных институтов развития).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Борщевский Г.А.** (2024). Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока // *Вопросы экономики*. № 2. С. 103–124. [**Borshchevskiy G.A.** (2024). Influence of preferential regimes on the Russian Far East development. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 103–124 (in Russian).]
- Гончарова К.С.** (2023). Эволюция структуры управления региональной социально-экономической политикой России на уровне федеральных министерств // *Экономическая политика*. Т. 18. № 6. С. 62–89. [**Goncharova K.S.** (2023). Evolution of the management structure of Russia's regional socio-economic policy at the level of federal ministries. *Economic Policy*, 18 (6), 62–89 (in Russian).]
- Доржиева В.В., Ильина С.А.** (2020). *Финансовые институты развития как фактор структурной модернизации экономики: научный доклад*. М.: Институт экономики РАН. [**Dorzhieva V.V., Ilyina S.A.** (2020). *Financial development institutions as a factor in structural modernization of the economy*. Moscow: Institute of Economics RAS (in Russian).]
- Минакир П.А.** (2021). Восточная государственная социально-экономическая политика: миссия (не)выполнима? // *Пространственная экономика*. Т. 17. № 2. С. 7–15. [**Minakir P.A.** (2021). Eastern state socio-economic policy: Mission (impossible)? *Spatial Economics*, 17 (2), 7–15 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.** (ред.). (2020). *Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма*. СПб.: Алетейя. [**Rubinshtein A.Ya., Gorodetsky A.E., Grinberg R.S.** (eds.). (2020). *Economic theory of the state: A new paradigm of paternalism*. St. Petersburg: Aletheia (in Russian).]
- Рыкова И.Н.** (ред.) (2016). *Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития*. М.: НИФИ. [**Rykova I.N.** (ed.) (2016). *Assessing the effectiveness of Russian and foreign development institutions*. Moscow: Research Financial Institute (in Russian).]
- Савченко А.Е.** (2022). Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 31. № 3. С. 54–74. [**Savchenko A.E.** (2022). Russian Far Eastern policy as a problem of building the developmental state. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, 31 (3), 54–74 (in Russian).]
- Хван И.С.** (2020). Реформа системы институтов развития Дальнего Востока: направления и задачи // *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (93). С. 101–108. [**Khvan I.S.** (2020). Reform of the system of development institutions of the Far East: Directions and tasks. *Power and Administration in the East of Russia*, 4 (93), 101–108 (in Russian).]
- Abadie A.** (2021). Using synthetic controls: Feasibility, data requirements, and methodological aspects. *Journal of Economic Literature*, 59 (2), 391–425.
- Abadie A., Diamond A., Hainmueller J.** (2015). Comparative politics and the synthetic control method. *American Journal of Political Science*, 59, (2), 495–510.
- Antonova N.E., Lomakina N.V.** (2020). Institutional innovations for the development of the East of Russia: Effects of implementation in the resource region. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13 (4), 442–52.
- Arbolino R., Lantz T.L., Napolitano O.** (2022). Assessing the impact of special economic zones on regional growth through a comparison among EU countries. *Regional Studies*, 57 (1), 1–5.

- Goryunov A., Ageshina E., Lavrentev I., Peretyatko P.** (2023). Estimating the effect of Russia's development policy in the Far Eastern region: The synthetic control approach. *Applied Econometrics*, 72, 58–72.
- Grillitsch M., Sotarauta M.** (2020). Trinity of change agency, regional development paths and opportunity spaces. *Progress in Human Geography*, 44 (4), 704–723.
- Kireev A., Sevastianov S.** (2021). Development institutions of the Russian Far East and Asia-Pacific countries: Goals, instruments, and results in comparative perspective. *Asian Politics and Policy*, 13 (4), 511–533. DOI: 10.1111/aspp.12612
- Kuzenkova V.M.** (2021). Effective development institutions. *Public Administration Issues*, 5, 161–175.
- Min J., Kang B.** (2018). Promoting new growth: 'Advanced special economic zones' in the Russian Far East. In: *Russia's turn to the East: Domestic policymaking and regional cooperation*. H. Blakkisrud, E.W. Rowe (eds.). London: Palgrave Macmillan, 51–74.
- Olifir D.I.** (2023). Spatial differentiation of socio-economic development of the St.-Petersburg agglomeration. *Studies on Russian Economic Development*, 34 (1), 42–50.
- Roche C.J.R.** (1999). *Impact assessment for development agencies: Learning to value change*. Boston: Oxfam.
- Stepanova N., Gritsenko D., Gavrilyeva T., Belokur A.** (2020). Sustainable development in sparsely populated territories: Case of the Russian Arctic and Far East. *Sustainability*, 12 (6), 2367–2396.
- Tatarkin A.I., Kotlyarova S.N.** (2013). Regional development institutions as an economic growth factors. *Economy of Regions*, (3), 18–26.
- Zaborovskaia O., Zhogova E., Alamshoev A.** (2021). Ranking of the regions of the North-Western Federal District as a sustainable development policy tool. *Sustainable Development and Engineering Economics*, (2), 41–57.

Поступила в редакцию 27.03.2024

Received 27.03.2024

G.A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Evaluation of Far East development institutions using the synthetic control

Abstract. For about 10 years, several development institutions in the Russian Far East were simultaneously pursuing federal policy. We use the synthetic control method to compare effects of each institution. The standard set of macroeconomic indicators was adapted according to the goals of the institutions and the available statistical data. The assumption was confirmed that the institution with a positive (albeit ambiguous) impact continued functioning after the 2021 reform, and the institutions that showed a negative or insignificant impact were reorganized. Improving the validity of such decisions will help to grant development institutions legal status in the public authority system. We also proved that a public development institution is closer in status to a government agency than to a company, that is why it is advisable to evaluate by macroeconomic changes in the region of its presence, rather than on standard corporate reporting indicators. The synthetic control seems to be a priority method for such an assessment. The absence of institute's influence on the development of a territory (sector) over a number of years should be the reason for its reorganization. This will allow the institutes performance to be aimed at achieving socially significant priorities, and not just at working with individual projects.

Keywords: *development institute, Russian Far East, preferential regime, synthetic control, regional policy, policy evaluation.*

JEL Classification: E61, O43, R58.

For reference: **Borshchevskiy G.A.** (2026). Evaluation of Far East development institutions using the synthetic control. *Journal of the New Economic Association*, 1 (70), 239–261 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2026_1_239-261

EDN: GWRKWE